

Теория и методология

Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии

© 2015

В.Я. Портяков

В статье на основе методологии, предложенной учеными Института современных международных отношений Университета Цинхуа (КНР), рассмотрена эволюция уровня отношений Китая с ведущими государствами Восточной Азии. Сделан прогноз возможных подвижек в характере взаимодействия КНР с Вьетнамом, США, Японией, Россией, Республикой Корея на период пребывания у власти пятого поколения лидеров страны во главе с Си Цзиньпином.

Ключевые слова: КНР, международные отношения, США, Япония, Россия, Республика Корея, Вьетнам, количественные оценки, эволюция.

С приходом к власти пятого поколения лидеров КНР во главе с Си Цзиньпином заметно усилился глобальный характер внешнеполитического курса страны. Существенно расширилась география контактов китайского руководства на международной арене. Внешняя политика Пекина стала намного более инициативной по сравнению с предыдущим десятилетием. Большой резонанс вызвали предложения Си Цзиньпина по укреплению безопасности в Азии. Всеобщее внимание привлекает идея развития многостороннего сотрудничества на обширном пространстве нового сухопутного и морского Шелкового пути.

Пекин все активнее артикулирует собственное видение глобальных процессов и тенденций развития международной обстановки. Так, на центральном совещании по внешнеполитической работе 28–29 ноября 2014 г. Си Цзиньпин назвал «китайскую мечту» мечтой «мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша». Была подчеркнута необходимость «создания нового типа международных отношений, ориентированных на сотрудничество и общий выигрыш в качестве ядра». По словам Си, надлежит внедрять понятие кооперации и общего выигрыша во все сферы международного сотрудничества в политике, экономике, безопасности, культуре¹. По сути дела, прежняя оценка современной эпохи как эпохи «мира и развития», данная тридцать лет назад Дэн Сяопином, дополняется новыми элементами — «сотрудничеством и общей выгодой».

Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». Тел. 8–499–1290866.

Статья подготовлена в рамках совместного исследования РГНФ—БАОН, грант № 14–27–09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

В то же время набирающий силу все более глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а скорее подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Восточная Азия. Здесь находится Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в регионе. Сюда повернута своим тихоокеанским фасадом Россия, стремящаяся укрепить позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и, в первую очередь, в Восточной Азии. Наблюдаются попытки самой мощной мировой державы — США укрепить свои позиции в регионе, в том числе военные. Восточная Азия является «адресатом» таких основополагающих векторов внешнеполитического курса Пекина, как выстраивание нового типа отношений Китая с великими державами и создание сети партнерских отношений с соседними государствами. Здесь же расположен Тайвань, остающийся пока вне юрисдикции КНР.

За годы существования народного Китая его отношения с основными государствами региона претерпели существенную, подчас драматичную эволюцию. Понимание ее причин помогает точнее оценить современное состояние и возможные перспективы развития связей Пекина с тем или иным государством.

Уникальным инструментом ретроспективного анализа уровня отношений КНР со странами Восточной Азии служит методика, разработанная в Институте современных международных отношений Университета Цинхуа, и сделанные на ее основе количественные оценки. Характер отношений здесь оценивается в диапазоне от -9 до 9. Выделено шесть типов отношений: «конфронтации» соответствуют количественные оценки от -9 до -6, «напряженности», соответственно, от -6 до -3, «дисгармоничности» — от -3 до 0. Положительный спектр оценок представлен «обычными отношениями» — от 0 до 3, «хорошими» — от 3 до 6 и «дружественными отношениями» — от 6 до 9. Каждая из шести градаций имеет свои подуровни (высокий—средний—низкий), отличающиеся количественно друг от друга на один пункт (например, «высокая напряженность» от -5 до -6, «средняя» от -4 до -5, «низкая» от -3 до -4 и так далее). Минимальное учитываемое значение составляет 0,1 балла².

Подготовленные учеными Университета Цинхуа оценки уровней двусторонних отношений Китая с рядом государств за период 1950–2013 гг. показывают, что предложенная методика позволила вполне адекватно отследить как общую эволюцию, так и резкие колебания их амплитуды в случае каких-либо неординарных событий.

Оценки китайско-американских отношений³ вполне закономерно отражают враждебное отношение Вашингтона к КНР с первых месяцев ее существования (-7,5 в январе—июне 1950 г.), которое достигло максимума (-8,3) в разгар Корейской войны. С ее окончанием конфронтация между КНР и США снижается до уровня «высокой напряженности» (между -5 и -6), однако после 1960 г. отношения вновь обостряются: по оценке, до -7,8 балла в разгар «культурной революции». С марта 1969 г., когда Пекин стал готовить почву для некоторого сближения с США, уровень напряженности понемногу снижается, активно реагируя на визит Г. Киссинджера (снижение с -6,7 в июне до -6,1 в июле 1971 г.) и особенно сильно — на визит Р. Никсона (с -5,8 в январе до -4,7 в феврале 1972 г.). Создание миссий связи (январь 1975 г.) отмечено оценкой в -3,3 балла, а визит Дэн Сяопина в США и последовавшее за ним полное установление дипломатических отношений — настоящим скачком с -2,1 (декабрь 1978 г.) до 0 (январь 1979 г.). Далее до середины 1989 г. оценки двусторонних отношений стабильно находятся в зоне положительных значений, достигая максимума в 3 балла в середине 1987 г. Санкции США против Китая, введенные после Тяньаньмэньских событий 4 июня 1989 г., резко ухудшают двусторонние отношения — с 2,5 в мае до 0,3 в июне, а затем их уровень до сентября 1994 г. уходит в минусовую зону, не превышая, впрочем, уровня «некоторой дисгармоничности». Еще один всплеск негатива в 1995–1996 гг. был вызван жесткой реакцией Пекина на сепаратистские действия Ли Дэньхуэя на Тайване и последовавшее вмешательство в ситуацию Вашингто-

на. «Медовый месяц» в двусторонних связях в 1998 г., ознаменованный визитом президента Клинтона в Китай, нашел отражение в наивысших оценках уровня китайско-американских отношений за всю их историю (3,3 балла в сентябре). Бомбардировка в мае 1999 г. посольства КНР в Белграде и гибель китайского пилота в начале 2001 г. при столкновении с американским самолетом-разведчиком надолго отодвинули отношения Пекина и Вашингтона в район нулевой отметки. Более-менее стабильная повышательная тенденция возникла с 2007 г. Заметный сбой — до уровня 0,4–0,6 балла — имел место в марте — мае 2009 г. в связи с инцидентом с судном *Impréscable*. На момент прихода к власти Си Цзиньпина (ноябрь 2012 г.) отношения между КНР и США оценивались в 1,7 балла. К концу 2013 г. их уровень повысился до 2,3 балла.

Отношения Пекина с Советским Союзом⁴, первым признавшим только что провозглашенную Китайскую Народную Республику, стартовали с весьма высокой оценки в 8,1 балла (январь 1950 г.). Союзнические отношения двух государств наглядно проявились в Корейской войне 1950–1953 гг., а затем и в масштабной помощи Москвы Китаю в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.). Количественная оценка их уровня составила 8,2 балла с февраля 1950 г. по сентябрь 1954 г. и 8,3 балла в период с октября 1954 г. по май 1958 г. Затем, как известно, в советско-китайских отношениях началась полоса охлаждения, причины которого по сей день видятся в Москве и в Пекине не вполне одинаково. До середины 1960 г. количественные оценки двусторонних связей остаются на высоком уровне (8,2–8,1–8,0), но быстро понижаются после заявления Москвы об отзыве советских специалистов из Китая: 7,7 балла в июне 1960 г., 6,5 в июле, далее 6,4 балла по сентябрь 1961 г. и 6,2 балла по апрель 1962 г.

Ожесточенная полемика по широкому кругу вопросов между двумя правящими коммунистическими партиями, КПСС и КПК, стала главным «триггером» быстрого ухудшения двусторонних отношений: 5,2–5,1 с мая 1962 г. по май 1963 г., затем 3,9 балла в июне (полемика вокруг китайских предложений о генеральной линии международного коммунистического движения), 2,0 в июле с быстрым выходом на «нулевой» показатель в декабре 1963 г. — январе 1964 г. (известные «девять статей», адресованные Китаем советскому руководству). С февраля 1964 г. оценка уровня двусторонних отношений уходит в зону отрицательных значений, которые растут с разворачиванием в КНР «культурной революции»: в 1966 г. -1,5 — -1,6, в 1967 г. -3 — -3,5, в 1968 г. -4. Столкновения на границе в марте и августе 1969 г. отразились в снижении уровня отношений соответственно до -5,1 и -5,9 балла. Затем наступила полоса своеобразного застоя: с сентября 1969 г. (встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в аэропорту Пекина) и по апрель 1978 г. включительно уровень отношений оценивается в -5,6 балла.

Новое ухудшение было вызвано осложнением отношений Китая с Вьетнамом на фоне отстранения от власти в Камбодже режима Пол Пота. Оценки уровня китайско-советских отношений снизились с -5,8 балла до -6 к концу 1978 г. и до -6,2 балла в апреле — августе 1979 г. Далее, до февраля 1982 г. они находились на уровне -6,1 балла. С марта 1982 г. (ташкентская речь Л.И. Брежнева) они начинают постепенно улучшаться, но выйдут из минусовой зоны только в мае 1989 г. (0 — визит М.С. Горбачева в КНР и нормализация межгосударственных и межпартийных отношений).

В наследство от СССР ельцинская Россия получила уровень отношений с Китаем, оцениваемый в 2,8 балла (декабрь 1991 г.), который возрос до 3,6 балла к концу 1992 г. Далее имело место поступательное улучшение двусторонних китайско-российских отношений: 4,6 балла в конце 1994 г.; 5,1 балла в конце 1995 г.; 5,9 балла в конце 1996 г.; 6,4 балла в конце 1997 г.; 6,9 балла в конце 1998 г.; 7,5 балла в конце 1999 г. Подписание В. Путиным и Цзян Цзэминем 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР нашло отражение в повышении оценки уровня отношений между двумя странами до 8 баллов. С того времени и до конца 2013 г. эти оценки оставались стабильно высокими, варьируясь в диапазоне от 7,8 до 8,1 балла.

Возникает вполне естественный вопрос о сопоставлении количественных оценок уровня отношений Китая с США и с СССР/Россией. Формально картина здесь достаточно ясная: отношения Пекина с Вашингтоном были стабильно лучше его отношений с Москвой в период с февраля 1972 по июнь 1989 г., остальное время — наоборот. Вместе с тем следует принять во внимание, что подчас в самом Китае высказывают сомнения в величине разрыва в уровнях его отношений с Россией и с США (на конец 2013 г. это 8,0 и 2,3 баллов). Вполне возможно, что в связи с огромными масштабами китайско-американских торгово-экономических, образовательных и научных связей уровень отношений КНР с США воспринимается населением как более высокий, нежели представленный в оценках Университета Цинхуа. В то же время, на мой взгляд, эти оценки выглядят достаточно объективными и убедительными, если сопоставить реальное состояние сегодняшних политических отношений Пекина с Москвой и Вашингтоном: в первом случае это подлинно «дружественные отношения», во втором — пока все еще «обычные отношения», не дотягивающие, несмотря на все усилия китайской стороны, до более высокого уровня «хороших отношений».

Важное значение для оценки общей международной ситуации в Восточной Азии неизменно имеет состояние **китайско-японских отношений**⁵. До начала 1970-х годов они устойчиво носили «конфронтационный» (1950–1955 гг.) или «напряженный» (1956–1971 гг.) характер, что вытекало из высокой степени близости Японии к США. Нормализация отношений Пекина и Токио подняла оценку с уровня -5,2 балла в августе 1972 г. до -1,7 в сентябре (один из наиболее резких скачков во всем комплексе двусторонних отношений КНР), однако в положительную зону эти оценки вышли только в августе 1978 г. в связи с подписанием китайско-японского Договора о дружбе.

Активное участие Японии в модернизации Китая — кредитами, оборудованием, специалистами — обусловило постепенное повышение уровня китайско-японских отношений до статуса «хороших», сохранившихся в этом качестве даже после июня 1989 г. и вплоть до конца 2002 г. Наивысшего уровня в 5 баллов они достигли в июне—августе 1994 г. Недовольство Пекина некоторыми аспектами политики лидеров Японии, особенно Дз. Коидзуми, обусловило постепенное охлаждение двусторонних отношений начиная с 2003 г. В период с февраля 2005 г. по август 2007 г. они вновь попали в зону отрицательных значений (с минимумом в -2,7 балла в апреле 2006 г.). В следующие пять лет китайско-японские отношения находились в зоне положительных оценок, но до уровня «хороших» на сей раз не дотянули. Более того, коллизия с затянувшимся арестом капитана рыболовецкого судна в акватории оспариваемых двумя странами островов Дяюйдао послужила основанием для существенного снижения оценки уровня отношений: с 2,9 балла в августе 2010 г. до 1,5 в сентябре. После решения японской администрации выкупить часть оспариваемых Китаем островов у частного владельца оценки отношений с сентября 2012 г. ушли в минусовую зону и достигли к концу 2013 г. довольно высокого уровня «напряженности» в -4,5 балла.

Отношения КНР с Республикой Корея⁶ — одним из ключевых государств Восточной Азии — в силу исторических обстоятельств долгие годы носили конфронтационный характер. В период Корейской войны 1950–1953 гг. оценки двусторонних отношений варьировались в диапазоне от -6,5 до -7,8 балла. С конца 1953 г. по апрель 1983 г., т.е. фактически на протяжении 30 лет, они характеризовались оценкой -6,6 балла, то есть на уровне «конфронтации низкой степени». Только в конце 1991 г. они перешли в новое качество — «напряженных» (-5,7 балла в ноябре—декабре), однако уже в 1992 г., ознаменованном установлением дипломатических отношений между КНР и РК, произошло скачкообразное улучшение оценки уровня двусторонних связей: до -2,5 в августе и -1,5 в декабре. В 1994 г. оценки выходят из минусовой зоны («дисгармоничность») и переходят в разряд «обычных» (0,8 балла в 1995 г.; 1,3 балла в 1996 г.; 1,7–2,2 балла в 1997 г.; 2,2–2,8 балла в 1998 г. В конце 1999 г. китайско-южнокорейские отношения удостаиваются статусу

са «хороших» (3,1 балла), а с 2008 г. — «дружественных» (6–6,3 балл). Признавая высокий уровень торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества Китая и Республики Корея, следует в то же время отметить, что их высокая оценка, по сути дела, игнорирует факт сохраняющихся тесных союзнических отношений Сеула с Вашингтоном.

За годы существования КНР **китайско-вьетнамские отношения**⁷ неоднократно проходили через серьезные испытания. Они важны и интересны не только сами по себе, но и как фактор, в разные годы заметно влиявший на отношения Пекина с Вашингтоном и Москвой.

Образование КНР стало весомым элементом поддержки антиколониальной борьбы вьетнамского народа и создания в 1954 г. на севере Вьетнама Демократической Республики Вьетнам. С середины 1960-х годов в течение десятилетия Пекин оказывал Ханю существенную материальную помощь в борьбе против американской агрессии и за объединение Севера и Юга страны. Вполне логично, что эксперты Университета Цинхуа оценили отношения КНР с ДРВ в период 1954–1974 гг. как дружественные с нахождением в диапазоне 7–7,5 баллов. Однако окончательная победа Севера и объединение страны в мае 1975 г. сопровождалось быстрым охлаждением отношений Вьетнама с Китаем, получивших в мае–июне 1975 г. оценку лишь в 4,7 балла по сравнению с 7 баллами в апреле.

Охлаждение было вызвано комплексом факторов: определенной переориентацией Вьетнама на Советский Союз, неприятием в Ханое режима «красных кхмеров» в Камбодже, выселением сначала из Сайгона, а затем и из страны значительного числа лиц с китайскими корнями. Китай явно не устраивало и не скрываемое в тот период стремление Ханоя играть роль ведущего государства Индокитая. Больно ударило по самолюбию китайцев то обстоятельство, что Вьетнам первым из разделенных государств Азии смог добиться национального единства.

Как бы то ни было, двусторонние отношения КНР и СРВ в конце 1970-х годов ухудшались стремительно: 1,4 балла в декабре 1978 г.; -0,5 в январе 1979 г. С началом Пекином военных действий против Вьетнама в феврале 1979 г. отношения вошли в фазу конфронтации: -6,2 балла в феврале, -6,7 в марте с последующим нахождением на уровне ниже -6 баллов до сентября 1990 г., когда «конфронтация» наконец сменилась «напряженностью» (-5,5 балла).

В 1990-е годы, с началом переговоров между СРВ и КНР об урегулировании двусторонних отношений, уточнении линии прохождения сухопутной границы и т.п. отношения довольно быстро улучшались: -5,2 балла в июле 1991 г. и только -1,8 балла в октябре, -0,6 балла в декабре 1992 г. и -0,3 балла в октябре 1993 г. С ноября 1993 г. оценки уровня китайско-вьетнамских связей покидают отрицательную зону, переходя в стадию «нормальных», а с января 1999 г. — и в стадию «хороших» (3,2 балла). С мая 2008 г. по май 2011 г. китайско-вьетнамские отношения квалифицируются как «дружественные», их уровень оценивается в 6–6,2 балла. Однако обострение противоречий между Ханоем и Пекином по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море приводит к определенному охлаждению: с июня 2011 г. уровень отношений Китая с Вьетнамом оценивается ниже 6 баллов, опускаясь в первые месяцы 2013 г. до 5 баллов.

В качестве вывода из вышеизложенного можно констатировать, что в отношениях Китая с основными акторами системы международных отношений в Восточной Азии имелись как длительные периоды стабильности отношений, так и довольно резкие смены тренда с положительного на отрицательный и наоборот. То есть, по крайней мере, формально оба эти варианта развития событий возможны и в обозримой перспективе. Однако конкретная эволюция отношений КНР с Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Россией и США на период пребывания у власти пятого поколения руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, то есть до 2022–2023 гг., будет зависеть не только от «наследия»

в виде сложившегося уровня связей, но и от таких определяющих факторов, как подвижки в ситуации в регионе и общий характер внешней политики Вашингтона и Пекина.

Таблица 1.

Оценки уровня отношений Китая с рядом государств Восточной Азии и США

Год	США	СССР/Россия	Япония	Респ. Корея	Вьетнам
1950	-8,2	8,2	-7,0	-7,2	6,9
1955	-5,9	8,3	-6,4	-6,6	7,1
1960	-6,5	6,4	-5,5	-6,6	7,2
1965	-7,7	-1,5	-5,4	-6,6	7,3
1970	-7,0	-5,5	-5,4	-6,6	7,6
1975	-2,8	-5,6	-1,1	-6,6	4,6
1980	2,1	-6,1	3,0	-6,6	-6,6
1985	2,6	-4,2	4,3	-6,4	-6,9
1990	-0,7	1,6	3,4	-6,1	-5,5
1995	0	5,1	4,5	1,2	1,6
2000	0,4	7,5	3,7	3,5	4,6
2005	0,6	7,9	-2,4	5,5	5,5
2010	1,2	8,0	1,2	5,9	6,2
2011	1,9	8,0	1,8	6,1	5,9
2012	1,7	7,9	-3,3	6,1	5,0
2013	2,3	8,0	-4,5	6,3	5,3

Примечание: составлено по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа (Пекин, КНР).

Приведены оценки уровня отношений за декабрь каждого упомянутого в таблице года.

Оценки в диапазоне от -9 до -6 соответствуют «конфронтации» Китая с тем или иным государством, в диапазоне от -6 до -3 — «напряженности» в двусторонних отношениях, от -3 до 0 — «дисгармоничности», от 0 до 3 — «обычным отношениям», от 3 до 6 — «хорошим» и от 6 до 9 — «дружественным отношениям».

На наш взгляд, вероятность кардинального решения существующих ныне наиболее острых проблем межгосударственных отношений в Восточной Азии в ближайшие 7–8 лет невелика, причем речь идет как о силовом варианте, так и о достижении удовлетворяющего оппонентов результата путем переговоров. Иными словами, мы предполагаем, что до 2023 г. не будут решены проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, объединения Кореи, достижения согласия относительно суверенитета над островами Сенкаку/Дяоюйдао и островами Южно-Китайского моря, а также возвращения Тайваня под юрисдикцию КНР. Пойти на силовой вариант решения споров в свою пользу Китаю отчасти помешает его официальная приверженность мирному пути развития, а также маловероятность его подтягивания в обозримой перспективе к уровню США по военной мощи. При любой администрации Вашингтон сохранит в арсенале своей «китайской политики» элементы сдерживания, особенно наглядные и эффективно подкрепленные военными союзами как раз в Восточной Азии.

Пользуясь градацией характера межгосударственных отношений, предложенной Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, можно предположить следующее.

В ближайшие 7–8 лет китайско-американские отношения с большой вероятностью останутся в разряде «обычных» (0–3 балла). Настойчивые усилия Пекина по установлению с Вашингтоном «междержавных отношений нового типа» могут дать результат в виде повышения уровня двусторонних связей до категории «хороших» (свыше 3 бал-

лов). Вместе с тем представляется практически невероятным, чтобы США пошли на *официальное признание* уважения «суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов» Китая, *резервируя тем самым за собой возможность вмешательства* во внутренние дела Китая⁸. Так что ожидать повышения уровня китайско-американских отношений до категории «дружественных» (6 баллов и выше) не приходится.

Китайско-российские отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» квалифицируются обеими сторонами как свидетельствующие об исторически самом высоком уровне двусторонних связей. Еще более повысить сегодняшние оценки этого уровня, варьирующиеся у отметки в 8 баллов, могли бы лишь два обстоятельства: практическое заключение военного союза и/или доведение двусторонних торгово-экономических связей до масштабов, сопоставимых с параметрами китайско-американского и китайско-европейского сотрудничества. Первое с позиций сегодняшнего дня выглядит маловероятным (хотя бы потому, что идет вразрез с официальной позицией руководства КНР и РФ), а второе — технически недостижимым за срок в 7–8 лет. Напротив, как раз определенное отставание объема торгово-экономических связей от ожиданий лидеров и населения двух стран, усугубляемое обострившимися проблемами в экономиках России и Китая, может привести к некоторому снижению оценки уровня китайско-российских отношений, которые, впрочем, сохраняют характер «дружественных».

Китайско-японские отношения имеют, как признается многими экспертами из КНР, существенный потенциал стабилизации, а затем и улучшения⁹. Нынешний уровень связей этих двух государств представляется аномально низким. С завершением длительной полосы подготовки к празднованию в КНР 70-летия победы китайского народа в антияпонской войне, потребовавшей надлежащего пропагандистского обеспечения, уровень напряженности между Пекином и Токио должен заметно снизиться. Вместе с тем маловероятно, что отношения между двумя государствами, достигнув уровня «нормальных», плавно перейдут далее в разряд «хороших» (3–6 баллов). Этому по-прежнему будет препятствовать соперничество Пекина и Токио за лидерство в регионе.

Перспективы развития *отношений Китая с Республикой Корея* и впредь будет во многом определяться подвижками в своеобразном «параллелограмме сил», составленном из двух корейских государств, КНР и США. Китайские эксперты констатируют, что Вашингтон добивается от Пекина «урегулирования» его политики по отношению к Пхеньяну, представляя такой шаг в качестве некоего «пробного камня» в строительстве нового типа межгосударственных отношений¹⁰. Однако китайская сторона на самых разных уровнях декларирует, что «Китай не может бросить Северную Корею»¹¹. Поэтому отношения Пекина с Сеулом все в большей степени приобретают относительно самостоятельный характер, базируясь в первую очередь на крупномасштабном торгово-экономическом взаимодействии и гуманитарных обменах. Их уровень будет незначительно колебаться в районе отметки в 6 баллов — на грани «очень хороших» и «дружественных».

К числу наиболее неопределенных относятся перспективы *китайско-вьетнамских отношений*. Камнем преткновения по-прежнему останется спор о территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря. Не исключена вероятность существенного охлаждения между КНР и СРВ, особенно в случае дальнейшего сближения Ханоя с Вашингтоном. В Пекине стремятся не допустить этого, убеждая Ханой, что «Китай не представляет стратегической угрозы Вьетнаму» и что «вмешательство внешних сил не принесет ничего хорошего народам двух государств и лишь преследует цель толкнуть их на путь соперничества»¹². В любом случае, однако, отношения между Китаем и Вьетнамом в следующие 7–8 лет не должны опуститься до зоны отрицательных значений, хотя снижение их уровня с нынешнего статуса «хороших» до разряда «обычных» полностью исключать нельзя.

В целом можно констатировать, что в среднесрочной перспективе Восточная Азия останется для внешней политики Пекина одним из наиболее важных и одновременно наиболее сложных регионов.

1. Чжунъян вайши гунцзо хуйи цзай цзин цзюйсин: [В Пекине состоялось Центральное совещание по внешнеполитической работе] // Жэньминь жибао. 30.11.2014.
2. Чжунго юй даго гуаньси шуцзюй ку шиюн фанфа: [Методика использования базы данных об отношениях Китая с великими державами] / Разработка Института современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин, 2014. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
3. 1950–2013 нянь Чжун Мэй гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-американских отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
4. 1950–2013 нянь Чжун Э (Су) гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-российских (советских) отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
5. 1950–2013 нянь Чжун Жи гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-японских отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
6. Чжунго юй да го гуаньси фэньчжи бяо: [Таблица оценок отношений Китая с ведущими державами] / Институт современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
7. Там же.
8. Подробнее см.: *Ван Цзисы, У Шэнци*. Чжун Мэй дуй синьсин да го гуаньси дэ жэньчжи чаи цзи Чжунго дуй Мэй чжэнцэ: [Различия в понимании Китаем и США отношений нового типа между державами и политики Китая в отношении США] // Дандай шицзе: [Современный мир]. Пекин, 2014. № 10. С. 2–7.
9. См., например: выступления участников дискуссии о китайско-японских отношениях в пекинском журнале «Современные международные отношения». Аньбэй чжэнфу юань-хэ цзюйю моуцзю гайшань Чжун Жи гуаньси?: [Почему правительство Абэ стремится спешно улучшить китайско-японские отношения?] // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин, 2014. № 10. С. 53–62.
10. *Ван Цзисы, У Шэнци*. Указ. соч. С. 5.
11. Гоуцзянь Дунбэйя хэпин аньцюань цзичжи сюйяо шэньмояндэ Чжун Чао гуаньси: [Какие отношения между Китаем и Северной Кореей нужны для создания механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии]. Раздел дискуссии ученых Китая, России и Кореи о создании механизма безопасности в Северо-Восточной Азии // Шицзе чжиши. Пекин, 2015. № 12. С. 18.
12. How close can Washington and Hanoi be? // *Global Times*. Beijing. 2015. June 3.